

Тимоти Снайдер
О тирании. 20 уроков XX века

«О тирании. 20 уроков XX века / Тимоти Снайдер»: АСТ: CORPUS; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-105945-3

Аннотация

Есть ли что-то общее между Германией 1933 года и Америкой, избравшей президентом Дональда Трампа? В книге Тимоти Снайдера “О тирании” такое сопоставление не выглядит натяжкой. Автор призывает прислушаться к урокам минувшего века и с их помощью предотвратить скатывание к диктатуре в нынешнем. “Мы не мудрее европейцев, которые видели, как демократия уступает фашизму, нацизму и коммунизму в XX веке, – пишет Снайдер. – Наше единственное преимущество в том, что мы можем учиться на их опыте. И сейчас для этого самое время”.

Тимоти Снайдер – один из ведущих американских историков, широко известный в Европе, о которой написано большинство его работ. Его знаменитая книга “Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным” (2010) вызвала широкую полемику и была удостоена множества престижных наград, включая премию имени Ханны Арендт за вклад в политическую мысль.

Тимоти Снайдер О тирании. 20 уроков XX века

© Timothy Snyder, 2017

© Николай Охотин, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018 © ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

«В политике у обманутых нет оправданий».

Лешек Колаковский

Пролог История и тирания

История не повторяется, но она учит. Когда отцы-основатели обсуждали конституцию Америки, они черпали уроки из той истории, которую они знали. Опасаясь краха задуманной ими демократической республики, они изучали превращение древних демократий и республик в олигархии и империи. Как им было известно, Аристотель предупреждал о том, что неравенство влечет нестабильность, в то время как Платон верил, что демагоги при помощи свободы слова становятся тиранами. Строя демократическую республику на основе закона и создавая систему сдержек и противовесов, отцы-основатели стремились избежать того зла, которое они вслед за античными философами называли тиранией. В их сознании это означало узурпацию власти единолично или группой людей либо действия правительства в обход закона для достижения собственных целей. Значительная часть последующих политических дебатов в Соединенных Штатах касалась проблемы тирании внутри американского общества: например, в отношении рабов и женщин.

Когда кажется, что политический строй в опасности, на Западе издавна принято обращаться к истории. Если сегодня мы обеспокоены тем, что американскому эксперименту угрожает тирания, мы можем последовать примеру отцов-основателей и взглянуть на

историю других демократий и республик. У нас есть преимущество. По счастью, мы можем найти более подходящие и свежие примеры, чем древние Греция и Рим. Но увы, они демонстрируют, что история современной демократии точно так же является историей упадка и разрушения. С тех пор как американские колонии объявили о своей независимости от Британской монархии, которую основатели полагали “тиранической”, в европейской истории было три демократические вершины: после Первой мировой, в 1918-м; после Второй мировой, в 1945-м; и после краха коммунизма, в 1989 году. Многие демократии, возникшие на этих рубежах, угасли при обстоятельствах, которые во многих важных аспектах напоминают наши собственные.

История может знакомить с фактами – и предостерегать. В конце девятнадцатого века, так же как и в конце двадцатого, рост мировой торговли породил надежды на прогресс. В начале двадцатого века, так же как и в начале двадцать первого, эти ожидания столкнулись с новым явлением в массовой политике, когда лидер или партия начинали претендовать на прямое выражение воли народа. Европейские демократии 1920-1930-х годов скатились в правый авторитаризм и фашизм. Коммунистический Советский Союз, возникший в 1922 году, в 1940-е годы начал распространять свою модель на Европу. История Европы двадцатого века демонстрирует нам, что общества с легкостью дезинтегрируются, демократии рушатся, этика отступает и обычные люди обнаруживают себя на краю расстрельных ям с автоматами в руках. Сегодня было бы полезно понять, почему так происходит.

И фашизм, и коммунизм стали реакцией на глобализацию, на вызванное ею неравенство, настоящее и мнимое, на очевидную беспомощность демократий перед лицом этого неравенства. Фашизм отказывался от разума во имя воли и приносил объективную истину в жертву яркому мифу, который транслировали лидеры, якобы ставшие гласом народа. На сложные вызовы глобализации фашистский режим приклеивал узнаваемый ярлык “заговора против нации”. Фашисты правили пару десятилетий, полностью отбросив интеллектуальное наследие, ценность которого с тех пор заметно выросла. Коммунисты правили дольше, почти семьдесят лет в Советском Союзе и более сорока в значительной части Восточной Европы. Их модель предусматривала власть дисциплинированной партийной элиты с идейной монополией, которая, согласно якобы нерушимым законам истории, должна была вести общество к определенному будущему.

Возникает соблазн считать, что наше демократическое наследие автоматически защищает нас от таких угроз. Не стоит ему поддаваться. Наша собственная традиция призывает нас обратиться к истории, чтобы понять глубинные причины тирании и выработать правильную реакцию на нее. Мы не мудрее европейцев, которые видели, как демократия уступает фашизму, нацизму и коммунизму в двадцатом веке. Наше единственное преимущество в том, что мы можем учиться на их опыте. И сейчас для этого самое время.

Эта книга содержит двадцать уроков двадцатого века, адаптированных к сегодняшним обстоятельствам.

1. Не подчиняйтесь заранее

МЫ САМИ ДАЕМ АВТОРИТАРНОЙ ВЛАСТИ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЕЕ ПОЛНОМОЧИЙ.

В ТАКИЕ ВРЕМЕНА В ТАКИЕ ВРЕМЕНА МНОГИЕ СТАРАЮТСЯ ПРЕДУГАДАТЬ, ЧЕГО МОЖЕТ ЗАХОТЕТЬ ЕЩЕ БОЛЕЕ РЕПРЕССИВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, И СДАЮТ ПОЗИЦИИ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ, ПОКА ИХ ОБ ЭТОМ ПОПРОСЯТ.

ГРАЖДАНИН, КОТОРЫЙ ТАКИМ ОБРАЗОМ ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ К ВЛАСТИ, ДАЕТ ЕЙ ПОНЯТЬ, ЧЕГО ОНА МОЖЕТ ДОБИТЬСЯ.

Заблаговременное повиновение – это политическая трагедия. Возможно, правители не сразу понимают, что граждане вполне готовы отступить от каких-то ценностей или принципов. Возможно, новый режим поначалу не имеет прямых рычагов воздействия на

граждан тем или иным способом. За немецкими выборами 1932 года, которые дали Гитлеру возможность сформировать правительство, или чешскими выборами 1946 года, когда победу одержали коммунисты, последовал важный этап заблаговременного повиновения. В обоих случаях достаточное количество населения добровольно предложило свои услуги новым лидерам, что позволило как нацистам, так и коммунистам задуматься о скорой смене режима. Первые неосмотрительные жесты конформизма очень быстро становятся необратимыми.

В начале 1938 года Адольф Гитлер, уже твердо стоявший у власти в Германии, стал угрожать аннексией соседней Австрии. После того как сдался австрийский канцлер, заблаговременное подчинение австрийцев решило судьбу австрийских евреев. Местные национал-социалисты арестовывали евреев и заставляли их отчищать улицы от символики независимой Австрии. Но важнее, что австрийцы, которые не были нацистами, смотрели на это с интересом и любопытством. Нацисты, у которых были списки собственности, принадлежащей евреям, брали все, что можно было взять. Но важнее, что австрийцы, которые не были нацистами, присоединялись к грабёжам. Как вспоминала Ханна Арендт, “когда немецкие войска вторглись в страну, то вчерашние соседи начали устраивать беспорядки в еврейских домах и австрийские евреи стали заканчивать жизнь самоубийством”.

Заблаговременное подчинение австрийцев в марте 1938 года показало высшему руководству нацистов, что становится возможным. В августе того же года Адольф Эйхман создает в Вене Центральное бюро еврейской эмиграции. В ноябре 1938 года, следуя мартовскому примеру австрийцев, немецкие нацисты организуют свой погром – ставший известным как Хрустальная ночь.

В 1941 году, когда Германия вторглась в Советский Союз, СС по собственной инициативе принялась разрабатывать методы массовых убийств – таких приказов ей не поступало. Сотрудники СС угадали желания своих начальников и продемонстрировали свои возможности. Это превосходило самые смелые мечты Гитлера.

Поначалу заблаговременное подчинение означало инстинктивную, без раздумий, адаптацию к новой ситуации. Но только ли немцы способны к таким проявлениям? Американский психолог Стэнли Милгрэм, размышляя о зверствах нацистов, хотел показать, что объяснение поведения немцев кроется в особом авторитарном складе личности. Он разработал эксперимент, чтобы проверить свое предположение, но не получил разрешение провести его в Германии. Тогда он провел его в Йельском университете в 1961 году – примерно в то же время, что в Иерусалиме судили Адольфа Эйхмана за участие в Холокосте.

Милгрэм сообщил испытуемым (это были студенты Йеля и жители Нью-Хейвена), что в рамках эксперимента по обучению они должны будут применять электрошок к другим людям. На самом деле по договоренности с Милгрэмом люди с прикрепленными проводами по другую сторону стекла только имитировали шок. Когда испытуемые подвергали других участников эксперимента воздействию электрошока (считая, что все это происходит по-настоящему), им открывалось ужасное зрелище. Незнакомые люди, не сделавшие им ничего плохого, явно испытывали сильные страдания – стучали в стекло, жаловались на боли в сердце. Несмотря на это, большинство испытуемых следовали указаниям Милгрэма и продолжали, как им казалось, применять электрошок с постоянно растущей силой, до тех пор пока их жертвы, как они думали, не умирали. Даже те, кто не доводил дело до (видимого) убийства своих собратьев, уходили, не интересуясь здоровьем других участников эксперимента.

Милгрэм понял, что люди сверхвосприимчивы к новым правилам поведения в новой обстановке. Они на удивление охотно готовы причинять вред другим людям и убивать их в угоду неким новым целям, если таковы будут указания новой власти. “Я обнаружил столько повиновения, – вспоминал Милгрэм, – что едва ли имело смысл повторять этот эксперимент в Германии”.

2. Защищайте общественные институты

ИМЕННО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ПОМОГАЮТ НАМ СОХРАНЯТЬ СОБСТВЕННОЕ ДОСТОИНСТВО. НО ОНИ ТОЖЕ НУЖДАЮТСЯ В НАШЕЙ ПОМОЩИ. НЕ СТОИТ ГОВОРИТЬ О «НАШИХ ИНСТИТУТАХ», ПОКА ВЫ НЕ СДЕЛАЛИ ИХ СВОИМИ, ДЕЙСТВУЯ ОТ ИХ ИМЕНИ. ИНСТИТУТЫ НЕ ЗАЩИТЯТ СЕБЯ САМИ. ОНИ РУШАТСЯ ОДИН ЗА ДРУГИМ, ЕСЛИ С САМОГО НАЧАЛА НЕ ЗАЩИЩАТЬ КАЖДЫЙ ИЗ НИХ. ТАК ЧТО ВЫБЕРИТЕ СЕБЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ПО ВКУСУ – СУД, ГАЗЕТУ, ЗАКОН, ПРОФСОЮЗ – И ПРИМИТЕ ЕГО СТОРОНУ.

Мы привыкли считать, что институты способны сохранить себя даже в ситуации целенаправленной атаки. Именно эту ошибку допустили некоторые немецкие евреи в отношении Гитлера и нацистов после того, как те сформировали свое правительство. Так, например, 2 февраля 1933 года ведущая газета немецких евреев опубликовала редакционную статью, выражавшую эту неуместную веру:

Мы не готовы подписаться под той точкой зрения, что герр Гитлер и его соратники, наконец заполучившие ту полноту власти, к которой они давно стремились, перейдут к реализации тех предложений, что циркулируют в нацистских газетах; они не лишат в одночасье немецких евреев их конституционных прав, не заключат их в гетто, не бросят на потребу низменным инстинктам толпы. Они не смогут этого сделать, потому что есть ключевые факторы, сдерживающие власть... и они явно не собираются идти в этом направлении. Когда ты становишься реальной действующей силой в Европе, сама атмосфера настраивает на этические размышления о лучшем в тебе и уводит от первоначальных оппозиционных заявлений.

Таковы были взгляды многих разумных людей в 1933 году, таковы они и сегодня. Ошибочно считать, что правители, пришедшие к власти благодаря институтам, не смогут поменять или разрушить эти самые институты – особенно если именно это они и обещали сделать. Иногда революционеры планируют уничтожить все институты сразу. Таков был подход русских большевиков. А иногда институты теряют жизнеспособность и перестают функционировать, превращаются в симулякр того, чем они были раньше, и тем самым скорее поддерживают новый порядок, нежели противостоят ему. У нацистов это называлось *Gleichschaltung*.

Новый нацистский порядок установился менее чем за год. К концу 1933 года Германия превратилась в однопартийное государство, в котором все основные институты были укрошены. В ноябре немецкие власти закрепили этот порядок, проведя парламентские выборы (без участия оппозиции) и референдум (“правильный” ответ был заранее известен). Некоторые немецкие евреи голосовали по указке нацистских лидеров в надежде, что этот жест лояльности свяжет новую систему обязательствами перед ними. Эта надежда была тщетной.

3. Опасайтесь однопартийного государства

ПАРТИИ, КОТОРЫЕ ПЕРЕКРАИВАЛИ ГОСУДАРСТВА И ПОДАВЛЯЛИ СОПЕРНИКОВ, ВО ВСЕ НЕ БЫЛИ ВСЕМОГУЩИМИ С САМОГО НАЧАЛА. ОНИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ, ЧТОБЫ ИСКЛЮЧИТЬ СВОИХ ОППОНЕНТОВ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ПОЭТОМУ ПОДДЕРЖИВАЙТЕ МНОГОПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ И ЗАЩИЩАЙТЕ ПРОЦЕДУРУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ. ГОЛОСУЙТЕ НА МЕСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫБОРАХ, ПОКА ЭТО ВОЗМОЖНО. ЗАДУМАЙТЕСЬ О ТОМ, ЧТОБЫ БАЛЛОТИРОВАТЬСЯ САМОМУ.

Возможно, Томас Джефферсон никогда и не говорил, что “цена свободы – вечная бдительность”, но это точно говорили другие американцы, его современники. Когда мы

думаем об этих словах сегодня, мы представляем себе праведную бдительность, направленную вовне – против невежественных, враждебных других. Мы кажемся себе городом наверху горы, столпом демократии, высматривающим угрозы из внешних пределов. Но смысл этих слов был абсолютно иным: человеческая природа такова, что американскую демократию нужно защищать от самих американцев, которые с помощью ее свобод могут приблизить ее конец. В действительности фраза “Цена свободы – вечная бдительность” принадлежит американскому аболиционисту Уэнделлу Филипсу, который также добавил, что “манну народной свободы следует собирать ежедневно, иначе она сгниет”. Достижения современной европейской демократии только подтверждают мудрость этих слов. В двадцатом веке были предприняты серьезные попытки распространить франшизу и основать прочные демократические системы. Но демократии, возникавшие после Первой мировой войны (а также после Второй), часто рушились, когда одной партии удавалось захватить власть посредством выборов и переворота в той или иной комбинации. Партия на волне успешной победы на выборах либо движимая своей идеологией (либо и то и другое вместе) может изменить систему изнутри.

За выборами, выигранными в 1930-х и 1940-х фашистами, нацистами и коммунистами, последовало сочетание спектакля, репрессий и “тактики салями” – когда оппозиция отрезается слоями, один за другим. Большинство было занято своими делами, кого-то посадили, а остальным заткнули рот.

Герой романа Дэвида Лоджа говорил, что, занимаясь любовью последний раз, ты не знаешь, что занимаешься любовью последний раз. С голосованием то же самое. Некоторые немцы, голосовавшие за национал-социалистов в 1932 году, наверняка понимали, что в обозримом будущем по-настоящему свободных выборов больше не будет, но большинство этого не понимало. Некоторые чехи и словаки, голосовавшие за Чехословацкую компартию в 1946 году, может быть, и сознавали, что голосуют за конец демократии, но большинство считало, что будет еще один шанс. Несомненно, русские на выборах в 1990 году не думали, что это последние свободные и честные выборы в истории их страны, каковыми они (пока) и остаются.

Любые выборы могут оказаться последними, по крайней мере последними в жизни голосующего. Нацисты оставались у власти вплоть до своего военного разгрома в 1945 году, чехословацкие коммунисты – до краха всей системы в 1989 году. Российская олигархия, возникшая после выборов 1990 года, продолжает функционировать и продвигает внешнюю политику, нацеленную на повсеместное уничтожение демократии.

Применима ли история тирании к Соединенным Штатам? Определенно, американцы, говорившие о “вечной бдительности” в девятнадцатом веке, сочли бы, что да. Они признавали, что мы несовершенны, и разработанная ими система была направлена на то, чтобы сделать последствия нашего несовершенства менее ощутимыми. Мы, подобно древним грекам, сталкиваемся с проблемой олигархии, принимающей все более угрожающие масштабы по мере того, как глобализация увеличивает неравенство.

Причудливое представление американцев о том, что жертвование средств на проведение политических кампаний и есть свобода слова, сводится к тому, что у богатых оказывается гораздо больше слова – а значит, и голосов, – чем у остальных граждан. Мы верим в то, что у нас работает система сдержек и противовесов, однако сегодня мы столкнулись с исключительной ситуацией: менее популярная из двух партий контролирует все рычаги власти на федеральном уровне и имеет большинство в законодательных органах штатов. Партия, контролирующая так много, предпринимает немного шагов, популярных в обществе в целом, и много непопулярных – и, как следствие, должна либо опасаться демократии, либо ее ослаблять.

Еще одна поговорка времен образования Соединенных Штатов гласила: “Там, где заканчиваются ежегодные выборы, начинается тирания”. Будем ли мы ретроспективно оценивать выборы 2016 года так же, как русские оценивают выборы 1990 года, чехи – выборы 1946 года или немцы – выборы 1932 года? Пока это зависит от нас. Очень многое

нужно сделать, чтобы исправить систему, удобную для подтасовок и манипуляций, чтобы каждый гражданин имел равный голос, чтобы эти голоса могли быть легко посчитаны согражданами. Нам нужны бумажные бюллетени, потому что их нельзя подтасовать удаленно и всегда можно пересчитать.

Всю эту работу можно вести на местном уровне и на уровне штатов. Нет сомнений, что выборы 2018 года, если они состоятся, станут проверкой на прочность американских традиций. А до того нам предстоит еще много работы.

4. Отвечайте за то, как выглядит мир

СЕГОДНЯШНИЕ СИМВОЛЫ СТАНОВЯТСЯ ЗАВТРАШНЕЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ. НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО СВАСТИКИ И ДРУГИХ СИМВОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕНАВИСТЬ К ЛЮДЯМ. НЕ ОТВОДИТЕ ВЗГЛЯД, НЕ ПРИВЫКАЙТЕ К НИМ. УНИЧТОЖАЙТЕ ИХ САМИ И ПОДАВАЙТЕ ДРУГИМ ПРИМЕР ПОСТУПАТЬ ТАК ЖЕ.

Жизнь и политика неразрывны не потому, что окружающий мир заботят ваши чувства, а потому, что он реагирует на ваши действия. Выбор, который мы совершаем даже по самому незначительному поводу, сам по себе сродни участию в голосовании, и от него зависит, насколько возможны свободные и честные выборы в будущем. В политике повседневности наши слова и жесты либо их отсутствие значат очень много. Несколько ярких (и менее ярких) примеров из истории двадцатого века послужат здесь хорошей иллюстрацией.

В Советском Союзе при Иосифе Сталине преуспевающие крестьяне изображались на пропагандистских плакатах в виде свиней – дегуманизация, которая в сельской местности довольно однозначно намекала на убийство. Это происходило в начале 1930-х годов, когда советское государство стремилось подчинить себе деревню и мобилизовать средства для авральной индустриализации. Крестьяне, имевшие больше земли или скота, чем другие, первыми потеряли все, что имели. У соседа, изображенного в виде свиньи, можно забирать землю. Но те, кто следовал этой логике символов, сами в свою очередь становились жертвами. Столкнув бедных крестьян с более состоятельными, советская власть экспроприировала всю землю под колхозы. Итогом коллективизации стал голод большей части советского крестьянства. Миллионы людей в советской Украине, советском Казахстане и советской России умерли ужасной, унижительной смертью в 1930-1933 годах. За это время советские граждане были доведены до того, что рубили тела умерших на мясо.

В 1933 году, когда голод в Советском Союзе достиг своего пика, в Германии к власти пришла партия национал-социалистов. В эйфории от победы нацисты попытались устроить бойкот еврейских магазинов. Поначалу это шло не слишком гладко. Но практика отмечать краской на стене или витрине магазина, “еврейский” он или “арийский”, в итоге повлияла на восприятие немцами частной экономики. “Еврейская” лавка не имела будущего. Она становилась объектом планов по разграблению. По мере того как собственность становилась этнической, этические нормы менялись под действием зависти. Если могут быть “еврейские” лавки, то и прочая собственность может быть “еврейской”.

Желание, чтобы все евреи исчезли, поначалу сдерживаемое, стало расти на корысти как на дрожжах. Так немцы, размалевывавшие “еврейские” лавки, поучаствовали в процессе, который привел к реальному исчезновению евреев; то же можно сказать и о людях, которые просто наблюдали за этим. Воспринимая метки на витринах как естественную часть городского пейзажа, они уже шли на компромисс с убийственным будущим.

Однажды вам, вероятно, предложат продемонстрировать символы лояльности. Удостоверьтесь, что эти символы объединяют вас с согражданами, а не исключают кого-то из них. Даже история нагрудных значков далеко не так невинна. В нацистской Германии 1933 года люди носили значки с надписью “Да” во время выборов и референдума, закрепивших однопартийную систему в стране.

В 1938 году в Австрии люди, не замеченные до того в симпатиях к нацизму, стали

носить значки со свастикой. Жест гордости может обернуться способом притеснения. В Европе 1930-1940-х годов некоторые стали носить свастики, в результате чего другим пришлось надевать желтые звезды.

История позднего коммунизма, когда ни у кого уже не оставалось иллюзий относительно революции, преподносит нам еще один урок о символах. Даже когда граждане деморализованы и желают только, чтобы их оставили в покое, общественные маркеры все равно продолжают работать на тиранический режим. Когда чехословацкие коммунисты выиграли выборы 1946 года и полностью захватили власть после переворота в 1948 году, многие чехи и словаки преисполнились энтузиазма. Тримя десятилетиями позже, в 1978 году, диссидент Вацлав Гавел написал “Силу бессильных”, где объяснял причины стабильности деспотического режима, в цели и идеологию которого уже мало кто верит. Он привел пример с директором овощного магазина, который вешает в витрине лозунг “Пролетарии всех стран, объединяйтесь!”.

Дело не в том, что лавочник в самом деле подписывается под сутью этой цитаты из “Коммунистического манифеста”. Он вешает плакат в витрине, чтобы власть оставила его в покое. Когда все следуют этой же логике, мы видим, как публичная сфера покрывается знаками лояльности и сопротивление становится невыносимым. Гавел писал:

Как мы видели, истинное значение лозунга зеленщика никак не связано с тем, к чему призывает сам лозунг. Тем не менее это истинное значение совершенно ясно и всем понятно. Оно вытекает из общедоступности данного кода: зеленщик декларировал свою лояльность [...] единственным способом, на который реагирует общественная власть: тем, что он принял предписанный *ритуал*, что принял “иллюзии” за действительность, что согласился на предложенные “правила игры”. Приняв их, он, разумеется, и сам вступил в игру, стал игроком, сделал возможным, чтобы эта игра вообще продолжалась, чтобы просто существовала.

Но что произойдет, спрашивает Гавел, если никто не будет играть в эти игры?

5. Помните о профессиональной этике

КОГДА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ ПОДАЮТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР, ВЕРНОСТЬ ЧИСТО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОБЯЗАННОСТЯМ СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ ВАЖНЕЕ. СЛОЖНО ПОДОРВАТЬ ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА БЕЗ ПОМОЩИ ЮРИСТОВ ИЛИ ПРОВЕСТИ ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЗ СУДЕЙ. АВТОРИТАРИЗМ НУЖДАЕТСЯ В ПОСЛУШНЫХ ГОССЛУЖАЩИХ, А НАЧАЛЬНИКИ ЛАГЕРЕЙ ИЩУТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ДЕШЕВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЕ.

Перед Второй мировой войной некто Ганс Франк был личным юристом Гитлера. Когда Германия оккупировала Польшу в 1939 году, Франк стал генерал-губернатором Польши, немецкой колонии, где были уничтожены миллионы евреев и поляков. Он похвастался однажды, что деревьев не хватало на изготовление бумаги для объявлений обо всех предстоящих казнях. Франк утверждал, что закон создан, чтобы служить расе, а значит, то, что хорошо для расы, и есть закон. С такими аргументами немецким юристам несложно было убедить себя, что законы и правила должны служить их планам по завоеванию и уничтожению, вместо того чтобы быть в этом помехой.

Юрист Артур Зейсс-Инкварт, выбранный Гитлером для обеспечения аннексии Австрии, позднее руководил оккупацией Голландии. Юристы были массово представлены в командовании эскадронами смерти – спецвойсками, которые осуществляли массовые убийства евреев, цыган, польской элиты, коммунистов, инвалидов и других. Немецкие (и не только) врачи принимали участие в отвратительных медицинских экспериментах в концлагерях. Предприниматели из *I. G. Farben* и других немецких фирм эксплуатировали труд заключенных концлагерей, евреев в гетто и военнопленных.

А госслужащие от министров до секретарей наблюдали и учитывали все это.

Если бы юристы следовали норме о невозможности внесудебного наказания, если бы врачи не оперировали без согласия пациентов, если бы предприниматели выступили против рабства, а

бюрократы отказались бы от документооборота, подразумевающего убийство людей, то нацистскому режиму пришлось бы прилагать гораздо большие усилия, чтобы осуществить все те жестокости, которыми он запомнился.

Профессии могут создавать формы этического диалога, невозможные между отдельной личностью и далеким от нее государством. Если члены профессионального сообщества мыслят себя группой с общими интересами, с неукоснительными для соблюдения нормами и правилами, тогда они обретают уверенность, а в конечном итоге и своего рода власть. Профессиональной этикой должно руководствоваться именно тогда, когда нам говорят, что настала чрезвычайная ситуация. И тут ни в коем случае нельзя просто выполнять приказ. Если члены профессионального сообщества начнут смешивать свои этические принципы с сиюминутными эмоциями, они могут обнаружить, что говорят слова и совершают поступки, прежде невообразимые.

6. Опасайтесь вооруженных формирований

КОГДА ЛЮДИ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ, ВСЕГДА УТВЕРЖДАВШИЕ, ЧТО ОНИ ПРОТИВ СИСТЕМЫ, НАДЕВАЮТ ФОРМУ И НАЧИНАЮТ МАРШИРОВАТЬ С ФАКЕЛАМИ И ПОРТРЕТАМИ ЛИДЕРА, ЗНАЙТЕ, ЧТО КОНЕЦ БЛИЗОК. КОГДА ЭТИ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЕШИВАЮТСЯ С ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛИЦИЕЙ И ВОЕННЫМИ – ЭТО КОНЕЦ.

Большинство правительств большую часть времени стремятся монополизировать насилие. Лишь в том случае, когда только правительство может законно применять силу и то, как оно ее применяет, регулируется законом, становятся возможными те формы политики, которые мы принимаем как данность. Невозможно проводить демократические выборы, рассматривать дела в судах, разрабатывать и принимать законы, вести любые другие спокойные дела, которыми занимается правительство, если внегосударственные структуры имеют доступ к насилию. Именно по этой причине люди или партии, стремящиеся к разрушению демократии и верховенства права, создают и финансируют силовые организации, которые затем вступают в политику. Это может быть военизированное крыло политической партии, служба охраны конкретного политика или отряды, созданные по инициативе граждан, которые, как правило, оказываются организованными партией или ее лидером.

Вооруженные формирования сперва приводят в упадок политический порядок, а затем трансформируют его. Боевики из ультраправых группировок, таких как “Железная гвардия” в межвоенной Румынии или “Партия скрещенных стрел” в межвоенной Венгрии, запугивали соперников. Нацистские штурмовики вначале были группами охраны, очищавшими помещения от оппонентов Гитлера во время его публичных выступлений. Превратившись в вооруженные формирования, известных как СА и СС, они создали атмосферу страха, которая способствовала победе нацистской партии на парламентских выборах 1932-1933 годов. В Австрии в 1938 году именно местная СА первой воспользовалась слабостью власти, чтобы начать грабить, избивать и унижать евреев, и тем самым изменила политические правила и подготовила почву для нацистского вторжения. СС руководила немецкими концентрационными лагерями – зонами вне закона, где обычные правила были неприменимы. Во время Второй мировой войны СС распространила систему беззакония, опробованную в лагерях, на все оккупированные немцами европейские страны. СС возникла как организация вне закона, стала организацией, преступавшей закон, и в конце концов отменила закон.

Американское федеральное правительство использует наемников в военных действиях, а правительства штатов платят корпорациям за содержание тюрем, поэтому насилие в США уже в достаточной мере приватизировано. Но появилось и кое-что новое: президент, который решил сохранить на весь свой срок отряды личной охраны, использовал их силу против недовольных во время предвыборной кампании. Будучи кандидатом, президент отдавал приказы охране удалять оппонентов со съездов своих сторонников, а также поощрял аудиторию самостоятельно удалять людей, высказывавших другие мнения. Таких людей сперва приветствовали возгласами “буу”, затем неистовыми криками “USA” и наконец силой вынуждали покинуть собрание. На одном из предвыборных собраний кандидат произнес: “Вот еще остаток подзадержался. Может быть, стоит убрать этот остаток. Уберите остаток вон”. Толпа, уловив намек, стала выискивать других

потенциальных отщепенцев, все это время скандируя “USA”. “Разве не веселее, чем обычные скучные собрания? По мне, так веселей”, – вставлял кандидат. Этот тип коллективного насилия был призван изменить политическую атмосферу, и это удалось.

Чтобы насилие смогло изменить не только атмосферу, но и систему, достаточно сделать дух предвыборных митингов и идеологию “исключения чужих” частью подготовки вооруженных гвардейцев. Тогда они сперва бросят вызов полиции и военным, затем проникнут в ряды полиции и военных и наконец трансформируют полицию и военных.

7. Если вы вооружены, задумайтесь

ЕСЛИ ВЫ НОСИТЕ ОРУЖИЕ ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ, ДА ХРАНИТ ВАС БОГ. ПРОСТО ЗНАЙТЕ, ЧТО В ПРОШЛОМ СИЛЫ ЗЛА НЕ РАЗ ПРИВЛЕКАЛИ НА СВОЮ СТОРОНУ СОЛДАТ И ПОЛИЦЕЙСКИХ – В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ТЕ ОБНАРУЖИВАЛИ, ЧТО ЗАНЯТЫ НЕ САМЫМИ БЛАГОВИДНЫМИ ДЕЛАМИ. БУДЬТЕ ГОТОВЫ СКАЗАТЬ «НЕТ».

При авторитарном режиме, как правило, существуют специальные отряды быстрого реагирования, чья задача – разгонять протестующих граждан, а также секретная полиция, которой поручают устранение недовольных и всех прочих, попадающих в категорию врагов. В самом деле, спецслужбы второго типа принимали деятельное участие в зверских преступлениях двадцатого века, таких как Большой террор в Советском Союзе 1937-1938 годов и Холокост в Европе, осуществленный нацистской Германией в 1941-1945 годах. Но будет большой ошибкой воображать, будто советский НКВД или нацистская СС действовали без какой-либо поддержки. Без помощи со стороны регулярных полицейских частей, а временами и регулярной армии они не смогли бы достичь такого масштаба массовых убийств.

Во времена Большого террора служащие НКВД зафиксировали 682 691 казнь предполагаемых врагов народа, большинство из которых составляли крестьяне или представители национальных меньшинств. Вероятно, ни одно другое силовое ведомство не было столь централизованно и хорошо организовано, как НКВД в эти годы. Сами выстрелы в шею жертвам производило небольшое количество людей – это значит, что некоторые офицеры НКВД имели на своей совести тысячи политических убийств. Но при этом они не справились бы со своей задачей без поддержки милиции, юристов и госслужащих по всему Советскому Союзу. Большой террор происходил в режиме чрезвычайного положения, которое подчиняло НКВД и его спецоперациям всех служащих МВД. Милиционеры не были главными виновниками в этих преступлениях, но они обеспечивали незаменимый людской ресурс.

Когда речь заходит о Холокосте, в воображении предстает Аушвиц и механизированная, обезличенная смерть. Немцам было удобнее вспоминать о Холокосте таким образом, поскольку это позволяло утверждать, будто лишь немногие знали, что происходит за теми воротами. В действительности же Холокост начинался не с фабрик смерти, а с братских могил Восточной Европы. На Нюрнбергском процессе (и позднее в судах Западной Германии) проходили процессы по делам командующих эскадронами смерти, ответственных за некоторые убийства, но даже эти суды были преуменьшением масштабов преступления. По сути не только командиры СС, но и тысячи их подчиненных были убийцами.

И это было только началом. В каждом массовом расстреле евреев (более 33 тысяч убитых под Киевом, более 28 тысяч – под Ригой и так далее и так далее) были задействованы регулярные части немецкой полиции. В общем и целом полицейские уничтожили больше евреев, чем эскадроны смерти. Многих из них никак специально не готовили к выполнению этой задачи. Они оказались в незнакомой стране, у них был приказ, и они не хотели выглядеть слабаками. В тех редких случаях, когда они не подчинялись приказу убивать евреев, их никто не наказывал.

Некоторые убивали из убежденности. Но многие другие просто боялись открыто выступить против. Были и разные другие факторы, помимо конформизма. Но без конформистов эти чудовищные злодеяния были бы невозможны.

8. Сопротивляйтесь

КТО-ТО ДОЛЖЕН СОПРОТИВЛЯТЬСЯ. ЛЕГКО СЛЕДОВАТЬ ЗА КЕМ-ТО. МОЖНО ИСПЫТЫВАТЬ НЕЛОВКОСТЬ, КОГДА ПРИХОДИТСЯ ГОВОРИТЬ ИЛИ ДЕЛАТЬ ЧТО-ТО ОТЛИЧНОЕ ОТ ДРУГИХ. НО БЕЗ ЭТОЙ НЕЛОВКОСТИ НЕТ СВОБОДЫ. ВСПОМНИТЕ

РОЗУ ПАРКС. СТОИТ ПОКАЗАТЬ ПРИМЕР, И МАГИЧЕСКИЙ СТАТУС-КВО ИСЧЕЗНЕТ – ОСТАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДУЮТ ЗА ВАМИ.

После Второй мировой войны европейцы, американцы и все остальные создали миф о героическом сопротивлении Гитлеру. В 1930-х годах, однако, среди настроений преобладали соглашательство и восхищение. К 1940 году большинство европейцев примирились с нацистским режимом, который казался непобедимым. Некоторые влиятельные американские фигуры вроде Чарльза Линдберга занимали позицию против вступления в войну с Германией под лозунгом “Америка превыше всего”. Тех же, кто был исключением, кого в то время считали эксцентриками и даже безумцами – они не менялись, когда мир вокруг них менялся, – мы вспоминаем сегодня с восхищением.

Еще задолго до Второй мировой войны многие европейские государства начали дрейф от демократии к разным формам правого авторитаризма. Италия стала первым фашистским государством в 1922 году и была военным союзником Германии. Венгрия, Румыния и Болгария сблизилась с Германией в расчете на торговые преференции и новые территории. В марте 1938 года ни одна из великих держав не выступила против немецкой аннексии Австрии. В сентябре 1938 года великие державы – Франция, Италия и Великобритания в лице тогдашнего премьера Чемберлена – по сути поддержали раздел Чехословакии. Летом 1939-го Советский Союз заключил пакт с нацистской Германией, и Красная армия вторглась в Польшу вслед за вермахтом. Польское правительство решило сопротивляться и привело в действия соглашения, которые втянули в войну Британию и Францию. Германия, снабжаемая продовольствием и топливом из Советского Союза, быстро оккупировала Норвегию, Нидерланды, Бельгию и даже Францию к весне 1940 года. Остатки британских экспедиционных сил были эвакуированы с континента в Дюнкерке в конце мая – начале июня 1940.

Когда Уинстон Черчилль в мае 1940 года стал премьер-министром, Великобритания была в полном одиночестве. Британская корона не одержала ни одной значимой победы, у нее не было серьезных союзников. Британия вступила в войну, чтобы поддержать Польшу, что казалось безнадежным делом. Нацистская Германия и ее советский союзник царили на всем континенте. Советский Союз вторгся в Финляндию в ноябре 1939-го, начав с бомбежки Хельсинки. Сразу после вступления Черчилля в должность СССР оккупировал и аннексировал балтийские государства – Эстонию, Латвию и Литву. Соединенные Штаты соблюдали нейтралитет.

Адольф Гитлер не испытывал никакой особой враждебности к Британии и ее империи, и вправду полагая, что мир может быть разделен на несколько сфер интересов. Он ожидал, что Черчилль склонится к переговорам после падения Франции. Но Черчилль поступил иначе. Он сказал французам: “...Что бы ни случилось, это никак не изменит британской решимости воевать дальше”.

В июне 1940 года Черчилль сообщил британскому парламенту, что “битва за Британию вот-вот начнется”. Немецкое люфтваффе начало бомбить английские города. Гитлер рассчитывал, что это заставит Черчилля подписать перемирие, но он ошибался. Позднее Черчилль охарактеризовал это воздушное противостояние как “время, когда в равной мере было хорошо и жить, и умереть”. Он упоминал “бодрый и непоколебимый дух Британии, который я имел честь выразить”.

На самом деле это он помог англичанам осознать себя как гордый народ, способный спокойно противостоять злу. Прочие политики искали поддержку в общественном мнении, чтобы завершить войну, в то время как Черчилль, наоборот, сопротивлялся, вдохновлял – и выиграл. Королевские воздушные силы (включая два польских эскадрона и большое число других иностранных пилотов) отразили натиск люфтваффе. Без воздушного господства даже Гитлер не мог себе представить высадку морского десанта на Британские острова.

Черчилль сделал то, чего не сделали другие. Вместо того чтобы заранее отступить, он вынудил Гитлера изменить свои планы. Основная германская стратегия строилась на том, чтобы, уничтожив всякое сопротивление на Западе, предательски напасть на Советский Союз и колонизировать его западные территории. В июне 1941 года, не закончив битву с Британией, Германия атаковала своего восточного союзника.

Теперь Берлину приходилось вести войну на два фронта, а Москва с Лондоном неожиданно стали союзниками. В декабре 1941-го Япония произвела авианалет на американскую морскую базу в Перл-Харборе, и в войну вступила Америка. Теперь Москва, Вашингтон и Лондон

составляли крупную и неодолимую коалицию. Вместе, при помощи многих других союзников, эти три державы одержали победу во Второй мировой войне. Но если бы Черчилль не удержал Британию в военный 1940 год, такой войны бы не было.

Черчилль говорил, что история будет к нему снисходительна – ведь он намеревался ее писать сам. И все же в своих пространных воспоминаниях и исторических размышлениях он представляет собственные решения как самоочевидные и на первое место всегда ставит британский народ и его союзников. Сегодня действия Черчилля кажутся правильными и нормальными. Но в то время ему пришлось с боем отстаивать свою позицию.

Разумеется, Великобритания оказалась втянутой в военные действия только потому, что руководство Польши в сентябре 1939 года выбрало путь сопротивления. К октябрю открытое вооруженное сопротивление было подавлено. К 1940 году характер немецкой оккупации в Варшаве стал полностью очевиден.

Тереза Прекерова в тот год должна была закончить школу. Имя ее семьи отобрали немцы, семья была вынуждена переехать в Варшаву и снимать жилье. Один из братьев Терезы погиб в сражении, двое находились в немецких лагерях для военнопленных. Варшава была сильно разрушена немецкими бомбардировками, во время которых погибло около 25 тысяч человек.

Тереза, еще очень молодая девушка, выделялась на фоне друзей и родных своей реакцией на окружающий ужас. В то время, когда самым естественным было заботиться о себе, она заботилась о других. В конце 1940 года немцы начали строить гетто в контролируемой ими части Польши, и уже в октябре евреев Варшавы и ближайших областей обязали переселиться в определенный район города. Один из братьев Терезы дружил до войны с еврейской девушкой и ее семьей. Теперь Тереза наблюдала, как люди вокруг словно не замечают исчезновения из их жизни друзей-евреев.

С большим риском для себя и не говоря ни слова своей семье, Тереза более десятка раз посещала Варшавское гетто в конце 1940 года. Она носила еду и лекарства знакомым и незнакомым евреям. К концу году ей удалось убедить подругу своего брата бежать из гетто. В 1942 году Тереза помогла бежать ее родителям и брату. Тем же летом немцы провели в гетто операцию под названием *Grossaktion*, в ходе которой 265 000 евреев вывезли на фабрику смерти в Трешлинке и еще 10 380 евреев уничтожили в самом гетто. Тереза спасла семью от верной смерти.

Впоследствии Тереза Прекерова стала заниматься историей Холокоста, писала о Варшавском гетто и о других людях, помогавших евреям. Но о себе самой она предпочитала молчать. Когда через много лет ее попросили рассказать о собственной жизни, она сказала, что считает свои действия нормальными. С нашей точки зрения, ее действия представляются исключительными. Она сопротивлялась.

9. Будьте внимательны к своему языку

ИЗБЕГАЙТЕ ФРАЗ, КОТОРЫЕ ПРОИЗНОСЯТ ВСЕ. ПРИДУМАЙТЕ СОБСТВЕННЫЙ СПОСОБ ИЗЪЯСНЯТЬСЯ И ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ИМ, ДАЖЕ ЧТОБЫ СООБЩИТЬ ТО, О ЧЕМ ГОВОРЯТ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. СДЕЛАЙТЕ УСИЛИЕ И ОГРАДИТЕ СЕБЯ ОТ ИНТЕРНЕТА. ЧИТАЙТЕ КНИГИ.

Виктор Клемперер, литературовед еврейского происхождения, обратил свое филологическое образование против нацистской пропаганды.

Он заметил, как язык Гитлера отрицает легитимную оппозицию: слово *народ* всегда означало одних людей в противоположность другим (американский президент употребляет это слово так же), встречи лицом к лицу всегда были *противостоянием* (по словам нашего президента, *победой*), а любые попытки свободных людей взглянуть на мир иначе становились *очернением* лидера (или, как это формулирует президент, *клеветой*).

В наше время политики скармливают свои клише телевидению, где их повторяют даже те, кто хочет с ними поспорить. Телевидение стремится противостоять политической речи посредством передачи изображений, но смена кадров мешает сфокусироваться. Все происходит быстро, но на самом деле ничего не происходит. Каждый сюжет в телевизионных новостях – самый важный, пока его не замещает следующий. Волны бьются о нас одна за другой, но мы не видим океана.

Усилие, необходимое для осознания формы и смысла происходящего, требует слов и понятий, которые ускользают от нас, когда мы находимся под гипнозом визуальных стимулов. Потребление телевизионных новостей порой немногим отличается от наблюдения за человеком, рассматривающим картину. Мы считаем этот коллективный транс нормой. Мы постепенно поддались ему.

Более полувека назад классические романы о тоталитаризме уже предупреждали о господстве телеэкранов, преследовании книг, сокращении словаря и связанных с этим трудностях мышления. В романе “451° по Фаренгейту” Рэя Брэдбери, опубликованном в 1953 году, пожарные ищут и сжигают книги, в то время как большинство граждан смотрит интерактивное телевидение. В “1984” Джорджа Оруэлла, вышедшем в 1949-м, книги находятся под запретом, а телевидение двустороннее, что позволяет правительству круглосуточно следить за гражданами. Язык визуальных медиа в “1984” крайне ограничен, он лишает людей понятий, необходимых им для осмысления настоящего, памяти о прошлом, предположений о будущем. Одной из задач режима становится дальнейшее обеднение языка путем постоянного удаления слов из каждого нового издания официального словаря.

Вероятно, нельзя вовсе избежать экранов, но в двумерном мире мало смысла, если мы не можем защититься от него мысленным щитом, выкованным где-то за его пределами. Когда мы повторяем те же слова и фразы, что появляются в ежедневном медиапотоке, мы соглашаемся с отсутствием более широких рамок. Чтобы такие рамки возникли, нужно больше идей, а для того чтобы появилось больше идей, нужно читать. Поэтому изгоните экраны из своей комнаты и обложитесь книгами. Герои Оруэлла и Брэдбери не могли себе этого позволить – но мы пока еще можем.

Что читать? Любой хороший роман оживляет нашу способность к осмыслению неоднозначных ситуаций и оценке намерений окружающих. “Братья Карамазовы” Достоевского и “Невыносимая легкость бытия” Милана Кундеры сегодня вполне подойдут. Роман Синклера Льюиса “У нас это невозможно”, пожалуй, не самое великое произведение искусства, “Заговор против Америки” Филипа Рота лучше. Повесть о тирании и сопротивлении, известная миллионам юных американцев, – “Гарри Поттер и дары смерти” Дж. К. Роулинг. Если вы, или ваши друзья, или ваши дети первый раз не прочли ее в этом ключе, то стоит перечитать.

Вот некоторые тексты политической и исторической направленности, которые освещают затронутые нами темы: “Политика и английский язык” Джорджа Оруэлла (1946), “Язык Третьего рейха” Виктора Клемперера (1947), “Истоки тоталитаризма” Ханны Арендт (1951), “Бунтующий человек” Альбера Камю (1951), “Порабощенный разум”

Чеслава Милоша (1953), “Сила бессильных” Вацлава Гавела (1978), “Как быть консерватором, либералом и социалистом одновременно” (*How to Be a Conservative-Liberal-Socialist*) Лешека Колаковского (1978), “О пользе бедствий” (*The Uses of Adversity*) Тимоти Гартона-Эша (1989), “Груз ответственности” (*The Burden of Responsibility*) Тони Джадта (1998), “Обычные люди” (*Ordinary Men*) Кристофера Браунинга (1992), “Все неправда и все возможно” (*Nothing Is True and Everything Is Possible*) Петра Померанцева (2014).

Христиане же могут обратиться к главной книге, которая никогда не устаревает. Иисус проповедовал, что “легче верблюду сквозь игольное ушко пройти, чем богатому войти в Царство Божье”. Нам следует быть скромнее, “ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится”. И, конечно, нам следует позаботиться отлучением правды от лжи: “и познаете истину, и истина сделает вас свободными”.

10. Верьте в истину

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ФАКТАМИ ЕСТЬ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ СВОБОДОЙ. ЕСЛИ ПРАВДЫ НЕТ, ТО НИКТО НЕ МОЖЕТ КРИТИКОВАТЬ ВЛАСТЬ, ПОТОМУ ЧТО ДЛЯ ЭТОГО НЕТ НИКАКОЙ ПОЧВЫ. ЕСЛИ ПРАВДЫ НЕТ, ЗНАЧИТ, ВСЕ – СПЕКТАКЛЬ. ЧЕМ БОЛЬШЕ КОШЕЛЕК, ТЕМ ОСЛЕПИТЕЛЬНЕЕ ЗРЕЛИЩЕ.

Вы подчиняетесь тирании, когда отказываетесь делать различие между тем, что вы хотите услышать, и тем, что есть на самом деле. Этот отказ от реальности может казаться естественным и даже приятным, но его результат – ваше поражение как личности и, как следствие, коллапс любой политической системы, которая опирается на индивидуализм. Как замечали

исследователи тоталитаризма, такие как Виктор Клемперер, есть четыре вида смерти истины, и мы видели их все.

Первый вид – это открытая враждебность проверяемой реальности, которая выражается в том, что выдумки и ложь выдаются за факты. Американский президент делает это очень часто и очень быстро. Во время избирательной кампании 2016 года была предпринята попытка проверить его высказывания, и она показала, что 78 % его заявлений, якобы основанных на фактах, были ложными. Доля лжи столь велика, что даже корректные утверждения на этом фоне кажутся случайными оплошностями на пути к абсолютному вымыслу. Обесценивание мира реального ведет к появлению выдуманного антимира.

Второй вид смерти истины – это шаманские заклинания. Как отмечал Клемперер, фашистский стиль опирается на “бесконечное повторение”, призванное сделать выдуманное приемлемым, а преступное – желанным. Систематическое использование прозвищ вроде “врунишки Теда” и “подлой Хилари” переносит на других черты, которые с большим основанием можно было бы приписать самому президенту. Тем не менее, тупо повторяя одно и то же в твиттере, наш президент сумел превратить личности в стереотипы, которые теперь у всех на устах. Заклинания, которые выкрикивают на съездах: “Мы построим стену!” и “Запереть ее!” – не имеют отношения к реальным планам президента, но сама грандиозность этих замыслов выстраивает связь между оратором и его аудиторией.

Следующий способ – магическое мышление, или полное приятие противоречий. Во время избирательной кампании президент обещал сократить для всех налоги, уменьшить внешний долг, увеличить расходы на социальную политику и оборону. Эти обещания находятся в состоянии взаимного противоречия. Как если бы фермер сказал, что он возьмет яйцо в курятнике, сварит его вкрутую для жены, потом приготовит яйцо пашот для детей, а после этого вернет его курице нетронутым, и из него вылупится цыпленок.

Приятие настолько радикальной неправды требует явного отказа от рационального подхода. Истории Клемперера о том, как в Германии 1933 года он терял друзей на почве магического мышления, сегодня звучат пугающе правдоподобно. Один из его бывших студентов умолял его “отдаться своим чувствам, и [говорил, что] вы должны всегда думать о величии фюрера, а не о тех неудобствах, которые вы ощущаете сейчас”. Через двенадцать лет, после всех ужасов, в конце войны, очевидно проигранной Германией, солдат с ампутированными конечностями говорил Клемпереру, что Гитлер “еще никогда не лгал”. “Я верю в Гитлера,” – говорил он.

Наконец, последний вид смерти истины – это необоснованная вера. К ней относятся высказывания в духе самообожествления – когда президент, к примеру, говорит: “Только я смогу это сделать” или “Я – ваш голос”. Когда вера спускается с небес на землю таким путем, уже не остается места для маленькой правды, основанной на личной интуиции и опыте. Клемперер ужасался тому, что это изменение казалось необратимым. Как только истина из области фактов переходила в область пророчеств, отпадала необходимость в доказательствах. В конце войны один рабочий сказал Клемпереру, что “от понимания нет пользы, нужно иметь веру. Я верю в фюрера”.

Великий румынский драматург Эжен Ионеско в 1930-е годы наблюдал, как его друзья один за другим скатываются к языку фашизма. Этот опыт лег в основу его абсурдистской пьесы “Носорог” (1959), в которой жертвы пропаганды превращаются в огромных рогатых животных. О том, с чем столкнулся он сам, Ионеско писал:

Профессора университетов, студенты, интеллигенты превращались в нацистов, один за другим вступая в “Железную гвардию”. Поначалу они, конечно, не были нацистами. Нас было около пятнадцати человек, мы собирались вместе, разговаривали, пытались найти контраргументы. Это было нелегко... Время от времени один из наших друзей говорил: “Я с ними, конечно же, не согласен, но по некоторым пунктам, тем не менее, следует признать, вот, например, евреи.” и т. д. Это уже был симптом. Недели три спустя этот человек уже был нацистом. Он был захвачен этим механизмом, он все принимал, он становился носорогом. Ближе к концу уже только трое-четверо из нас еще могли сопротивляться.

Задачей Ионеско было показать, насколько дикой является пропаганда на самом деле и насколько нормальной она кажется тем, кто поддался ее воздействию. Используя абсурдный образ носорога, Ионеско пытался шоковым приемом заставить людей обратить внимание на странность происходящего.

Эти носороги бродят по саваннам нашего сознания. Сегодня мы крайне озабочены явлением под названием “постправда” и склонны думать, что пренебрежение к фактам жизни и создание альтернативных реальностей – это что-то новое, постмодернистское. Но здесь нет почти ничего, что бы Джордж Оруэлл не обозначил еще семьдесят лет назад в своем понятии “двоемыслия”. В своей философии постправда воссоздает абсолютно фашистское отношение к истине – именно поэтому ничто в нашем мире не удивило бы ни Клемперера, ни Ионеско.

Фашисты презирали скромную правду повседневного опыта, они любили звонкие слоганы, звучавшие подобно новой религии, и предпочитали красочные мифы журналистике или истории. Они транслировали через новые медиа (которым в то время было радио) барабанный бой пропаганды, который возбуждал в людях чувства прежде, чем они успевали удостовериться в фактах. И сегодня, как и тогда, многие путают веру в отнюдь не безупречного лидера с правдой о мире вокруг нас. Постправда – это предфашизм.

11. Расследуйте

РАЗБИРАЙТЕСЬ ВО ВСЕМ САМИ. ПРОВОДИТЕ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ НАД ДЛИННЫМИ СТАТЬЯМИ. ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ЖУРНАЛИСТИКУ РАССЛЕДОВАНИЙ, ПОДПИСЫВАЯСЬ НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ. ОТДАВАЙТЕ СЕБЕ ОТЧЕТ В ТОМ, ЧТО ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ РАЗМЕЩЕНА С НАМЕРЕНИЕМ НАВРЕДИТЬ ВАМ. НАХОДИТЕ САЙТЫ, КОТОРЫЕ РАССЛЕДУЮТ ПРОПАГАНДИСТСКИЕ КАМПАНИИ (В ТОМ ЧИСЛЕ И ВЕДУЩИЕСЯ ИЗ-ЗА РУБЕЖА). ОТНОСИТЕСЬ ОТВЕТСТВЕННО К ТОМУ, ЧТО ВЫ ОБСУЖДАЕТЕ С ДРУГИМИ.

“Что есть истина?” Иногда люди задаются этим вопросом потому, что не хотят ничего предпринимать. Самый обычный цинизм позволяет нам ощущать себя модными и альтернативными даже в тех случаях, когда мы вместе со своими согражданами сползаем в болото безразличия. Именно способность распознавать факты делает человека личностью, а наше коллективное доверие общему знанию делает нас обществом. Личность, которая расследует, – это гражданин, который строит.

Лидер, который недолюбливает расследователей, – это потенциальный тиран. Нынешний президент во время своей кампании заявил российскому пропагандистскому медиа, что американские “медиа отличаются невероятной нечестностью”. Он много раз выгонял журналистов со своих пресс-брифингов и регулярно провоцировал у публики ненависть к прессе. Подобно лидерам авторитарных режимов, он обещал подавить свободу слова законодательно, чтобы заглушить критику. Подобно Гитлеру, президент использовал слово “ложь” применительно к фактам, которые были ему не по нраву, и представлял работу прессы как кампанию против себя лично. Гораздо вольготнее он чувствует себя с интернетом, своим источником ошибочной информации, которую он транслирует миллионам людей.

В 1971 году, наблюдая, как в Соединенных Штатах распространяется ложь о вьетнамской войне, политический мыслитель Ханна Арендт находила утешение в том, что в свободном обществе факты обладают способностью побеждать вымысел: “В обычных обстоятельствах лжеца опровергает действительность, для каковой нет замены; независимо от ширины того полотна вымысла, которое может соткать опытный лжец, его никогда не будет хватать, даже если он прибегнет к помощи компьютеров, чтобы прикрыть всю необъятность реальности”. В том, что касается компьютеров, это уже не так.

На президентских выборах 2016 года двумерный мир интернета играл более важную роль, чем трехмерный мир человеческих контактов. Агитаторы, обходившие дома избирателей, встречали удивленные глаза американских граждан, столкнувшихся с тем, что им приходится обсуждать политику с человеком из плоти и крови вместо того, чтобы получать подтверждение своих взглядов из ленты фейсбука. В рамках двумерного интернет-мира возникают новые общности, невидимые при свете дня, – племена с определенными взглядами на мир, легко поддающиеся манипуляциям. Существует и сетевой заговор: его цель – заставить вас постоянно сидеть в интернете в поисках заговора.

Необходима печатная пресса, где истории могут развиваться на странице и в наших головах. Что значат слова президента о том, что женщины должны сидеть дома, что беременность – это “неудобство”, что матери не выдают стопроцентный результат на работе, что женщин следует

наказывать за аборты, что женщины – “невежи”, “свиньи” или “собаки” и их можно подвергать сексуальным посягательствам? Что значит, что шесть из президентских компаний стали банкротами, а его предприятия финансировались таинственными денежными вливаниями от неких структур из России и Казахстана? Мы можем услышать об этих вещах из разных медиа. Однако, когда мы слышим об этом с экрана телевизора, мы склонны втянуться в логику спектакля. Когда мы узнаем об одном скандале, он пробуждает у нас жажду к следующему. Стоит подсознательно принять, что мы смотрим реалити-шоу, а не размышляем о реальной жизни, – и уже ни один кадр не сможет политически повредить президенту. Драматизм реалити-шоу должен нарастать с каждым новым эпизодом. Посмотрев видео с президентом, исполняющим казачьи танцы под аплодисменты Владимира Путина, в следующий раз мы, вероятно, захотим увидеть, как он делает то же самое уже в костюме медведя и с пачкой рублей в зубах.

Лучшие представители бумажной прессы позволяют нам задуматься о том, что эти, казалось бы, разрозненные обрывки информации могут значить для нас и нашей страны. Но если поделиться статьей в социальных сетях легко может каждый, расследование и написание текста – это тяжелая работа, которая требует времени и денег. Прежде чем высмеивать “мейнстримные медиа”, обратите внимание, что они перестали быть мейнстримом. Напротив, высмеивание стало мейнстримом и легко дается, в то время как настоящая журналистика неудобна и трудна. Попробуйте сами написать достойную статью, которая требует работы в реальном мире: путешествий, интервью, общения с источниками, исследования бумажных документов, проверки фактов, написания и редактуры черновиков – и все это в сжатые и жесткие сроки. Если вам понравится это занятие – ведите блог. А тем временем больше доверяйте тем, кто зарабатывает этим на жизнь. Журналисты не более совершенны, чем люди других профессий. Но те, кто придерживается журналистской этики, работают на принципиально ином уровне, чем те, кто ее не придерживается.

Нам кажется естественным, что мы платим водопроводчику или механику, но новости мы хотим получать бесплатно. Если бы мы не платили за ремонт кранов или машины, мы бы не рассчитывали на питьевую воду или исправный автомобиль. Отчего же тогда мы должны строить свои политические суждения на основе нулевых вложений? Мы получаем то, за что заплатили.

Если мы действительно стремимся к фактам, интернет дает нам завидный инструмент для их передачи. У тех, кого я цитирую в этой книге, не было в распоряжении ничего подобного. Лешек Колаковский, великий польский философ и историк, эпиграфом из которого открывается эта книга, потерял свое место в Варшавском университете за то, что выступил против коммунистического режима, и был лишен возможности публиковаться. Первая цитата в этой книге взята из статьи Ханны Арендт “Мы беженцы” – поразительной работы, автору которой удалось спастись от ужасов нацизма. Блестящий ум Виктора Клемперера, которым мы сегодня так восхищаемся, сохраняется в памяти потомков только благодаря его тайному дневнику, который он упрямо вел в нацистские времена. Это помогало ему выжить: “Дневник был моим шестом канатоходца, без которого я бы уже тысячу раз свалился вниз”. Один из важнейших мыслителей среди антикоммунистических диссидентов 1970-х годов Вацлав Гавел посвятил свое главное эссе “Сила бессильных” философу, который умер вскоре после допроса чешской секретной полицией. В коммунистической Чехословакии это эссе ходило по рукам нелегально, в нескольких копиях – в Восточной Европе вслед за русскими диссидентами это называли “самиздатом”.

“Если краеугольным камнем системы является «жизнь во лжи», – писал Гавел, – то ничего удивительного, что основной угрозой ей становится «жизнь по правде»”.

Поскольку в интернет-эпоху мы все издатели, каждый из нас несет некоторую личную ответственность за всеобщее чувство правды. Если мы серьезно относимся к поиску фактов, каждый из нас сможет произвести небольшую революцию в работе интернета. Если вы сами проверяете информацию, вы не будете рассылать липовые новости другим. Если вы читаете тех журналистов, которым у вас есть основания доверять, вы можете передать другим то, что они узнали. Если вы делаете ретвиты только тех авторов, которые следуют журналистской этике, вы вряд ли опуститесь до общения с троллями и ботами.

Мы не видим тех, кому вредим публикацией фальшивок, но это не значит, что мы не вредим. Представьте, что вы за рулем автомобиля. Даже если другого водителя не видно, вы стараетесь не столкнуться с его автомобилем. Вы знаете, что ущерб будет обоюдным.

Каждый день, раз за разом вы защищаете другого человека, не видя его. Точно так же, хотя мы и не видим другого человека за компьютером, мы несем свою долю ответственности за то, что он читает в интернете. Если мы научимся избегать насилия над разумом других невидимых обитателей интернета, то и они научатся поступать так же. А затем, возможно, и весь наш интернет-трафик перестанет выглядеть как одна большая кровавая авария.

12. Смотрите в глаза и обменивайтесь любезностями

ЭТО НЕ ПРОСТО ВЕЖЛИВОСТЬ. ЭТО ОДНА ИЗ ТЕХ ВЕЩЕЙ, ЧТО ДЕЛАЮТ ВАС ГРАЖДАНИНОМ И ОТВЕТСТВЕННЫМ ЧЛЕНОМ ОБЩЕСТВА. КРОМЕ ТОГО, ЭТО СПОСОБ ПОДДЕРЖИВАТЬ КОНТАКТ СО СВОИМ ОКРУЖЕНИЕМ И РАЗРУШАТЬ СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ, СПОСОБ ВЫЯСНИТЬ, КОМУ ДОВЕРЯТЬ, А КОМУ НЕТ. ЕСЛИ МЫ ВСТУПАЕМ В ЭПОХУ ДОНОСОВ, СТОИТ ИМЕТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ СВОЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ.

Тиранические режимы возникали в Европе двадцатого века в разные времена и в разных местах, но в воспоминаниях их жертв есть одна трогательная общая черта. Будь то фашистская Италия 1920-х, нацистская Германия 1930-х, Советский Союз в годы Большого террора 1937-1938-х или чистки в коммунистической Восточной Европе в 1940-1950-х, люди, жившие в страхе репрессий, вспоминают взаимоотношения с соседями. Улыбка, рукопожатие, слово приветствия – банальные жесты в нормальной ситуации – приобретали огромное значение. Когда же друзья, коллеги и знакомые отводили глаза или переходили на другую сторону улицы, чтобы избежать контакта, становилось еще страшнее. Нельзя знать наверняка, кто в Соединенных Штатах чувствует себя под угрозой сегодня или окажется под угрозой завтра. Но если вы поддержите всех, можете быть уверены: кому-то точно станет легче.

В самые опасные времена те, кто спасся и выжил, обычно знают, кому можно доверять. Не растерять старых друзей – это политика последней надежды. А завести новых – это первый шаг на пути к переменам.

13. Практикуйте политику телесности

ВЛАСТИ НУЖНО, ЧТОБЫ ВАШЕ ТЕЛО УТОПАЛО В МЯГКОМ КРЕСЛЕ, А ВАШИ ЭМОЦИИ ПОГЛОЩАЛ ЭКРАН. ВЫЙДИТЕ НА УЛИЦУ. ПУСТЬ ВАШЕ ТЕЛО ОКАЖЕТСЯ В НЕЗНАКОМОЙ ОБСТАНОВКЕ СРЕДИ НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ. ЗАВЕДИТЕ НОВЫХ ДРУЗЕЙ И ШАГАЙТЕ ВМЕСТЕ.

Чтобы сопротивление стало успешным, нужно преодолеть два рубежа. Во-первых, мысль о необходимости изменений должна овладеть людьми из самых разных кругов, необязательно во всем согласных между собой. Во-вторых, люди должны оказываться в местах, отличных от дома, и среди групп людей, отличных от их прежних друзей. Протест может организоваться через соцсети, но ничто не становится реальностью, пока не выльется на улицы. Если тираны не видят последствий своих действий в трехмерном мире, ничего не меняется.

Примером успешного сопротивления коммунизму стало рабочее движение “Солидарность” в Польше в 1980-1981 годах: коалиция рабочих, интеллигенции, некоторых представителей католической церкви и светских организаций. Его лидеры были научены горьким опытом при коммунистах. В 1968 году режим мобилизовал рабочих против протестующих студентов. В 1970 году, когда была жестоко подавлена забастовка в Гданьске, в изоляции оказались рабочие. В 1976 году, однако, интеллигенция создала группу поддержки рабочих, притесняемых правительством. В нее входили правые и левые, верующие и атеисты, вызывавшие доверие у рабочих – людей, с которыми при других обстоятельствах они никогда бы не встретились.

Когда польские рабочие с побережья Балтики опять вышли на забастовку в 1980 году, к ним присоединились юристы, ученые и многие другие, чтобы помочь им добиться цели. Результатом стало создание независимого профсоюза, а также гарантии соблюдения прав человека, данные

правительством. За те шестнадцать месяцев, что “Солидарность” была легальной, к ней присоединилось десять миллионов человек, а на забастовках, шествиях и демонстрациях завязались бесчисленные новые знакомства. Польский коммунистический режим пресек это движение введением военного положения в 1981 году. Но восемь лет спустя, когда в 1989 году коммунистам понадобился партнер для переговоров, они обратились к “Солидарности”. Профсоюз настоял на проведении свободных выборов и выиграл их. Это стало началом конца коммунизма в Польше, Восточной Европе и Советском Союзе.

Выбор в пользу публичности зависит от способности сохранять в неприкосновенности свою частную жизнь. Мы свободны, только если сами решаем, когда мы на виду, а когда – нет.

14. Выстраивайте свою частную жизнь

СКВЕРНЫЕ ПРАВИТЕЛИ ОБЕРНУТ ТО, ЧТО ИМ О ВАС ИЗВЕСТНО, ПРОТИВ ВАС. ПОСТОЯННО ЧИСТИТЕ СВОЙ КОМПЬЮТЕР ОТ ВРЕДНОСНЫХ ПРОГРАММ. ПОМНИТЕ, ЧТО ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА СОВЕРШЕННО ПРОЗРАЧНА. ПОПРОБУЙТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИНТЕРНЕТ ИНАЧЕ ИЛИ ПРОСТО ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЕГО МЕНЬШЕ. ОБЩАЙТЕСЬ ЛИЧНО. ПО ТЕМ ЖЕ ПРИЧИНАМ ИЗБЕГАЙТЕ ЛЮБЫХ ПРОБЛЕМ С ЗАКОНОМ. ТИРАНЫ ИЩУТ КРЮЧОК, НА КОТОРЫЙ ВАС МОЖНО ПОДВЕСИТЬ. ПОСТАРАЙТЕСЬ НЕ ИМЕТЬ ТАКИХ КРЮЧКОВ.

То, что великий политический мыслитель Ханна Арендт называла тоталитаризмом, было не всемогущим государством, а стиранием различий между частной жизнью и общественной. Мы свободны только тогда, когда мы контролируем то, что люди знают о нас, и то, в каких обстоятельствах они это узнают. Во время кампании 2016 года мы незаметно для самих себя сделали шаг в сторону тоталитаризма, приняв за норму нарушение неприкосновенности нашей частной жизни в электронной сфере. Сделали ли это американские или российские спецслужбы или какая-то другая организация, но кража, обсуждение или обнародование личной переписки нарушает основы наших прав. Если у нас нет контроля над тем, кто что и когда читает, у нас исчезает возможность действовать в настоящем и планировать будущее. Тот, кто нарушает границы вашей частной жизни, может унижить вас или по собственной прихоти разрушить ваши отношения с другими людьми. Ничья частная жизнь (кроме, вероятно, самого тирана) не выдержит, если ее выставить на всеобщее обозрение с враждебными намерениями.

Бомбы с электронной почтой, запущенные во время президентской кампании 2016 года, оказались также и мощной формой дезинформации. Слова, написанные в одной ситуации, осмысленны только в этом контексте. Сам акт переноса их из того момента, которому они принадлежат, в другой является актом фальсификации. Что еще хуже – когда медиа последовали за этими почтовыми бомбами, как будто это были новости, они совершили предательство по отношению к собственной миссии. Лишь немногие журналисты попытались объяснить почему люди сказали или написали тогда то, что было обнародовано. В то же время, сообщая о нарушении тайны переписки в новостях, средства массовой информации позволили отвлечь себя от реальных событий того момента. Вместо того чтобы сообщать о нарушении базовых прав, наши медиа в основном предпочли бездумно потакать нашему интересу к чужим делам, неприличному по своей природе.

Наша тяга к тайному, размышляла Арендт, политически опасна. Тоталитаризм устраняет различие между частным и общественным не просто для того, чтобы сделать личность несвободной, но и чтобы отвлечь все общество от нормальной политики и увлечь теорией заговора. Вместо того чтобы устанавливать факты или интерпретировать их, мы соблазняемся идеей скрытой реальности и тайных заговоров, которые объясняют все происходящее. Как стало ясно из случая с почтовыми бомбами, этот механизм работает даже тогда, когда раскрытая тайна не представляет никакого интереса. Обнародование того, что прежде было конфиденциальным, само по себе становится сюжетом.

(Поразительно, насколько новостные медиа ведут себя здесь хуже, чем, скажем, журналисты из сферы моды или спорта. Обозреватели моды знают, что модели переодеваются в гримерке, а спортивные журналисты знают, что атлеты принимают душ в раздевалке, но ни те ни другие не позволяют частностям заместить публичную тему, освещение которой от них ожидается.)

Когда мы проявляем активный интерес к материям сомнительного свойства в те моменты, которые определены авторитарным правителем или спецслужбами, мы участвуем в разрушении

нашего политического порядка. Разумеется, нам может казаться, что мы не делаем ничего особенного – только то же, что и все. Это верно – и именно это Арендт описывала как вырождение общества в толпу. Мы можем пытаться решить эту проблему индивидуально, путем защиты собственных компьютеров; можем пытаться решить ее коллективно – например, поддерживать организации, связанные с соблюдением прав человека.

15. Участвуйте в благих делах

РАБОТАЙТЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И НЕПОЛИТИЧЕСКИХ, КОТОРЫЕ ВЫРАЖАЮТ ВАШИ СОБСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЖИЗНЬ. ВЫБЕРИТЕ ПАРУ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НАСТРОЙТЕ АВТОПЛАТЕЖИ В ИХ АДРЕС. ТАК ВЫ СДЕЛАЕТЕ СВОБОДНЫЙ ВЫБОР В ПОЛЬЗУ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОМОЩИ ДРУГИМ В ИХ БЛАГИХ ДЕЛАХ.

Радостно знать, что, как бы ни развивались события, вы помогаете другим делать добро. Многие из нас могут позволить себе поддерживать какую-то часть большой сети благотворительных организаций, которую один из наших бывших президентов называл “тысячей огоньков”. Эти огоньки, как звезды в сумерках, лучше всего видны на темнеющем небе.

Когда мы думаем о свободе, нам обычно приходит в голову противостояние между одинокой личностью и мощным государством. Мы склонны считать, что личность должна быть сильной, а государство нужно держать в рамках. Это, конечно, правильно. Но важный элемент свободы – это выбор союзников, а важный способ защиты свободы – это активная поддержка группой своих членов. Именно поэтому мы должны вовлекать в деятельность, важную для нас, наших друзей и близких. Эта деятельность необязательно должна быть политической: Вацлав Гавел, чешский диссидент и мыслитель, приводил пример с приготовлением хорошего пива.

По мере того как мы занимаемся этой работой и узнаем других людей, которые занимаются тем же, мы строим гражданское общество. Участвуя в общем деле, мы учимся доверять людям за пределами узкого круга друзей и семьи, встречаем тех, кто становится для нас авторитетом. Способность к доверию и обучению может сделать жизнь менее хаотичной и непредсказуемой, а демократическую политику – более приемлемой и привлекательной.

В Восточной Европе диссиденты-антикоммунисты в ситуации куда более экстремальной, чем наша, считали неполитическую, казалось бы, активность гражданского общества выражением и гарантией свободы. И они были правы. На протяжении двадцатого века все главные противники свободы были враждебно настроены к неправительственным организациям, благотворителям и т. п. Коммунисты требовали от всех таких сообществ официальной регистрации и превращали их в средства контроля. Фашисты создали так называемую “корпоративистскую” систему, где любая человеческая деятельность занимала определенное место и подчинялась партийно-государственным структурам. Сегодняшние авторитарные режимы (в Индии, Турции, России) также испытывают крайнюю неприязнь к идее свободных ассоциаций и неправительственных организаций.

16. Учитесь у соседей из других стран

ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ОТНОШЕНИЯ СО СВОИМИ ДРУЗЬЯМИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ИЛИ ЗАВЕДИТЕ НОВЫХ ДРУЗЕЙ В ДРУГИХ СТРАНАХ. СЕГОДНЯШНИЕ СЛОЖНОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ – ЭТО ЭЛЕМЕНТ БОЛЕЕ ШИРОКОГО ТRENDA. И НИ ОДНА СТРАНА НЕ СМОЖЕТ ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ ЕМУ В ОДИНОЧКУ. У ВАС И ВАШИХ БЛИЗКИХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПАСПОРТА^[1].

В течение года, предшествовавшего избранию президента, американские журналисты часто ошибались относительно его кампании. По мере того как он преодолевал барьер за барьером, одерживал победу за победой, комментаторы уверяли нас, что на следующем этапе его остановит тот или иной замечательный американский институт. Но одна группа наблюдателей занимала другую позицию – это были восточноевропейцы и те, кто изучает Восточную Европу. Для них в президентской кампании очень многое было знакомо, а финальный результат не стал сюрпризом. Русские и украинские журналисты, почуяв, чем пахнет на Среднем Западе, говорили более реалистичные вещи, чем американские социологи, построившие карьеру на понимании политики собственной страны.

Американская реакция на очевидные киберугрозы и липовые новости показалась украинцам до смешного медленной. Когда в 2013 году российская пропаганда обрушилась на Украину, молодые украинские журналисты (и не только) реагировали молниеносно, решительно, а временами и остроумно, организуя кампании по разоблачению дезинформации. Россия использовала против Соединенных Штатов те же приемы, что и во время вторжения на Украину. Когда российские медиа распространили в 2014 году ложную информацию об украинских солдатах, распявших мальчика, украинский ответ был мгновенным и эффективным (по крайней мере внутри самой Украины). Когда российские медиа в 2016 году распространили историю о том, что Хилари Клинтон больна, из-за того, что та упомянула об “усталости от принятия решений” (что не является болезнью) в электронной переписке, эту тему подхватили американцы. Украинцы победили, а американцы проиграли – Россия не смогла навязать желаемый режим своему соседу, в то время как в Соединенных Штатах выгодный ей кандидат победил. Это должно заставить нас задуматься. История, которая, как долгое время казалось, двигалась с запада на восток, теперь, похоже, движется с востока на запад. Все происходящее здесь, кажется, уже случилось на востоке.

Тот факт, что большинство американцев не имеет паспортов, стал проблемой для американской демократии. Порой американцы говорят, что им не нужны выездные документы, потому что они предпочитают умереть за свободу в Америке. Это красивые слова, но за ними теряется один важный момент. Это сражение будет долгим. И даже если оно потребует жертв, сперва от нас понадобится пристальное внимание к миру вокруг нас, с тем чтобы понять, чему мы сопротивляемся и как это лучше делать. Так что обладание паспортом не есть капитуляция. Напротив, это делает нас свободнее, поскольку дает возможность нового опыта.

Это позволяет нам увидеть, как другие люди, порой мудрее нас, реагируют на сходные проблемы. Поскольку столь многое из произошедшего с нами за последний год знакомо остальному миру по недавней истории, мы должны внимательно наблюдать и слушать.

17. Обращайте внимание на опасные слова

СЛЕДИТЕ ЗА УПОТРЕБЛЕНИЕМ СЛОВ «ЭКСТРЕМИЗМ» И «ТЕРРОРИЗМ». БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ, КОГДА СЛЫШИТЕ О «ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ» И «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ» – ЭТО ОПАСНЫЕ ПОНЯТИЯ. ВОЗМУЩАЙТЕСЬ, КОГДА МАНИПУЛИРУЮТ ПАТРИОТИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ.

Самый умный из нацистов, правовед Карл Шмидт, доступным языком объяснил суть фашистского правления. Чтобы разрушить все правила, говорил он, нужно сфокусироваться на идее *исключительности*. Нацистский лидер переиграл своих оппонентов, сформировав в обществе веру в исключительность настоящего момента, а затем перевел это состояние исключительности в постоянное чрезвычайное положение. И граждане обменяли свою реальную свободу на ложную безопасность.

Когда сегодня политики упоминают *терроризм*, они, конечно, говорят о реальной опасности. Но когда нас пытаются убедить, что нужно отказаться от свободы во имя безопасности, следует насторожиться. Нет никакой необходимости выбирать что-то одно. Иногда мы в самом деле приобретаем одно в обмен на другое, но не всегда. Те, кто уверяет вас, что безопасность можно получить *только* в обмен на свободу, как правило, хотят лишиться вас и того и другого.

Совершенно точно можно уступить свободу и не оказаться в большей безопасности.

Подчинение власти может давать чувство успокоения, но это не то же самое, что реальная безопасность. В то же время, когда нам достается немного свободы, мы можем испытывать дискомфорт, но это минутное смятение не опасно. Легко представить себе ситуацию, когда мы жертвуем и тем и другим одновременно: например, когда мы вступаем в отношения, в которых подвергаемся насилию, либо голосуем за фашиста. Точно так же несложно вообразить выбор, который одновременно увеличивает степень свободы и степень безопасности, – например, разрыв таких отношений или эмиграция из фашистского государства. Работа правительства заключается в том, чтобы степени свободы и безопасности росли вместе.

Слово “экстремизм”, без сомнения, звучит плохо, и власти часто заставляют его звучать еще хуже, добавляя в то же предложение слово “терроризм”. Но смысла у него немного. Нет доктрины под названием “экстремизм”. Когда тираны говорят об “экстремизме”, они просто

имеют в виду тех, кто находится вне мейнстрима, – поскольку в каждый конкретный момент они сами определяют, что есть мейнстрим. Диссиденты двадцатого столетия, противостояли ли они фашизму или коммунизму, получали ярлык экстремистов. Современные авторитарные режимы, такие как Россия, используют законы об “экстремизме” для преследования тех, кто критикует их политику. Таким образом, под словом “экстремизм” можно понимать практически все что угодно, кроме того, что на самом деле является проявлением экстремизма, – тирании.

18. Не теряйте при отсутствии духа, когда происходит немыслимое

СОВРЕМЕННАЯ ТИРАНИЯ – ЭТО УПРАВЛЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ТЕРРОРА. КОГДА СЛУЧАЕТСЯ ТЕРАКТ, ПОМНИТЕ, ЧТО АВТОРИТАРНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИСПОЛЬЗУЕТ ТАКИЕ СОБЫТИЯ ДЛЯ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ВЛАСТИ. НЕОЖИДАННАЯ КАТАСТРОФА, КОТОРАЯ ОПРАВДЫВАЕТ ОТМЕНУ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ, РОСПУСК ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ, ПРИОСТАНОВКУ СВОБОДЫ СЛОВА И ПРАВА НА БЕСПРИСТРАСТНЫЙ СУД И ТАК ДАЛЕЕ, – ЭТО СТАРЕЙШИЙ ТРЮК ИЗ ГИТЛЕРОВСКОГО УЧЕБНИКА. НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ НА ЭТО.

Пожар Рейхстага стал тем рубежом, когда гитлеровское правительство, пришедшее к власти вполне демократическими методами, превратилось в угрожающе постоянный нацистский режим. Это архетипический пример управления посредством террора.

27 февраля 1933 года, около девяти вечера, Рейхстаг – здание, где располагался немецкий парламент, – начало полыхать. Кто устроил этот поджог в Берлине? Нам это неизвестно, но это ничего не меняет. Важно, что этот эффектный акт устрашения дал начало чрезвычайной политике. Той ночью, с удовольствием глядя на пламя, Гитлер произнес: “Этим пожаром все только начинается”. Независимо от того, был ли поджог делом рук нацистов, Гитлер увидел здесь политическую возможность: “Жалости больше не будет. Все, кто встанет на нашем пути, будут уничтожены”. Выпущенный на следующий день указ отменял базовые права всех германских граждан, разрешая полиции так называемые “превентивные аресты”. Гитлер заявил, что поджог устроили коммунисты, враги Германии, и на волне этих заявлений Национал-социалистическая партия одержала решительную победу на парламентских выборах 5 марта^[2]. Полиция и нацистские штурмовики начали облавы на членов левых политических партий – их помещали в импровизированные концентрационные лагеря. 23 марта новоизбранный парламент принял “закон о чрезвычайных полномочиях”, который передавал Гитлеру всю полноту власти. Чрезвычайное положение продлилось в Германии двенадцать лет, до самого конца Второй мировой войны. Гитлер использовал теракт – событие, прямое значение которого было ограниченным, – чтобы выстроить режим террора, который уничтожил миллионы людей и изменил весь мир.

Сегодняшние авторитарные правители тоже управляют посредством террора, и если уж на то пошло, они более изобретательны. Давайте посмотрим на нынешний российский режим, столь любимый нашим президентом. Владимир Путин не только пришел к власти на волне происшествия, поразительно напоминающего пожар Рейхстага, но впоследствии использовал теракты – реальные, сомнительные и фальшивые, – чтобы устранить препятствия на пути к тотальной власти в России и напасть на соседние демократии.

Когда слабеющий Ельцин назначил Путина премьер-министром в августе 1999 года, тот был никем и его рейтинг стремился к нулю. В течение следующего месяца в российских городах было взорвано несколько домов, по всей видимости российскими спецслужбами. Некоторые сотрудники спецслужб были арестованы своими же коллегами, были найдены доказательства их вины; в другом случае спикер российского парламента анонсировал взрыв за несколько дней до того, как он произошел. Тем не менее Путин объявил войну возмездия против российских мусульман в Чечне, пообещав настичь предполагаемых преступников и “замочить их в сортире”.

Российская нация объединилась, путинский рейтинг взлетел к небесам, и в марте он выиграл президентские выборы. В 2002 году, после того как российские силовики убили десятки гражданских лиц во время штурма московского театрального центра, захваченного реальными террористами, Путин воспользовался поводом и захватил контроль над частным телевидением.

После нападения террористов на школу в Беслане в 2004 году (при странных обстоятельствах, допускающих предположение о провокации) Путин отменил прямые выборы губернаторов. Таким образом, приход Путина к власти и уничтожение им двух важнейших институтов – частного телевидения и выборов глав регионов – были обеспечены манипулированием терроризмом, реальным, фальшивым и сомнительным.

После путинского возвращения на пост президента в 2012 году Россия ввела управление посредством террора в свою внешнюю политику. Во время вторжения на Украину в 2014 году Россия преобразовала части регулярной армии в отряды боевиков, удалив с их формы знаки отличия и отказавшись от любой ответственности за все ужасные страдания, которые те причиняли. Во время кампании в Донбассе на юго-востоке Украины Россия перебрасывала туда чеченских боевиков и отправляла части регулярной армии из мусульманских регионов России. Кроме того, Россия попыталась (впрочем, безуспешно) вмешаться в украинские президентские выборы в 2014 году.

В апреле 2015 года российские хакеры перехватили вещание французской телестанции и, маскируясь под ИГИЛ, передали в эфир материал, который должен был запугать французов. Россия надела маску “киберхалифата”, чтобы французы еще больше боялись террора. Предположительно, целью было привлечение избирателей на сторону крайне правого Национального фронта – партии, которую Россия поддерживала финансово. После терактов в Париже в ноябре 2015 года, когда погибло 130 человек и 368 было ранено, основатель близкой к Кремлю экспертной группы радовался тому, что терроризм приблизит Европу к фашизму и к России. Другими словами, как фальшивый, так и реальный исламский терроризм в Западной Европе, с этой точки зрения, отвечают российским интересам.

В начале 2016 года Россия подняла информационную волну по поводу террористического нападения в Германии, которого не было. Бомбя сирийское гражданское население и тем самым увеличивая приток мусульманских беженцев в Европу, Россия использовала семейную трагедию для того, чтобы втолковать немцам, что мусульмане насилуют детей. Очевидно, это опять было сделано с целью дестабилизировать демократию и продвинуть крайне правые партии.

В сентябре 2015 немецкое правительство объявило о том, что оно примет полмиллиона бежавших от войны в Сирии. Вскоре Россия начала бомбардировки в Сирии, нацеленные на гражданское население. Обеспечив наличие беженцев, Россия предоставила и риторику. В январе 2016-го российские СМИ распространили историю о том, что девушка российского происхождения, которая тут же куда-то исчезла, была многократно изнасилована мусульманскими иммигрантами. С подозрительной быстротой правые организации в Германии организовали антиправительственные протесты. Когда местная полиция сообщила населению, что изнасилование не имело места, российские медиа обвинили ее в том, что она намеренно скрывает правду. В спектакле поучаствовали даже российские дипломаты.

Когда американский президент и его советник по национальной безопасности говорят о том, что будут бороться с терроризмом вместе с Россией, они предлагают американскому народу управление посредством террора, то есть планируют использовать реальные, сомнительные или симулированные теракты, чтобы нанести удар по демократии. Российское резюме первого телефонного разговора между президентом и Владимиром Путиным гласит: главы государств “разделили мнение о необходимости объединения усилий в борьбе с общим врагом номер один – международным терроризмом и экстремизмом”.

Минутное смятение обеспечивает вечную покорность – вот тот урок, который тираны вынесли из поджога Рейхстага. Для нас урок состоит в том, что естественный страх и горе не должны позволить разрушить наши институты. Смелость не означает отсутствия страха или горя. Смелость заключается в способности сразу распознать признаки управления посредством террора и в готовности противостоять ему, причем сразу после террористической атаки, ровно тогда, когда это сложнее всего.

После поджога Рейхстага Ханна Арендт написала, что “перестала считать, что можно просто оставаться свидетелем”.

19. Будьте патриотами

ПОДАЙТЕ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ ХОРОШИЙ ПРИМЕР ТОГО, ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ АМЕРИКАНЦЕМ. ИМ ЭТО ПОНАДОБИТСЯ.

Что такое патриотизм? Начнем с того, чем он не является. Непатриотично уклоняться от службы в армии и насмехаться над героями войны и их семьями. Непатриотично дискриминировать в своей компании людей, состоящих на действительной службе в армии, или стремиться отогнать ветеранов-инвалидов от своей собственности. Непатриотично сравнивать поиск сексуальных партнеров в Нью-Йорке с военной службой во Вьетнаме, особенно тому, кто от нее уклонился. Непатриотично избегать уплаты налогов, особенно когда работающие американские семьи их платят. Непатриотично просить работающих американских налогоплательщиков финансировать собственную президентскую кампанию, а затем тратить их средства на нужды собственного бизнеса.

Непатриотично восхищаться иностранными диктаторами. Непатриотично завязывать отношения с Муаммаром Каддафи или говорить, что Башар Асад и Владимир Путин – незаурядные лидеры. Непатриотично предлагать России вмешаться в американские президентские выборы. Непатриотично цитировать российскую пропаганду на встречах со своими сторонниками. Непатриотично иметь общего советника с российскими олигархами. Непатриотично получать консультации по внешней политике у того, кто владеет долей в российской энергетической компании. Непатриотично читать речь о внешней политике, которую написал человек, состоящий на зарплате у российской энергетической компании. Непатриотично назначать советником по национальной безопасности человека, который получал деньги от органа российской пропаганды. Непатриотично назначать госсекретарем нефтяника с финансовыми интересами в России, директора российско-американской энергетической компании, получившего орден Дружбы из рук Путина.

Суть не в том, что Россия и Америка должны быть врагами. Суть в том, что патриотизм подразумевает служение *своей собственной стране*.

Наш президент – националист, что совсем не то же самое, что патриот. Националист будит в нас самое худшее, а потом говорит нам, что мы лучшие. Как писал Оруэлл, “все время размышляя о власти, победах, поражениях, мести, националист нередко не очень-то стремится знать, что же происходит в мире реальном”. Национализм относителен, поскольку единственная истина – это негодование при виде других. Как сформулировал Данило Киш, национализм “не имеет универсальных ценностей, эстетических или этических”.

Патриот, напротив, хочет, чтобы страна жила согласно своим идеалам, а значит, пробуждает лучшее в нас. Патриота должно волновать происходящее в реальном мире, поскольку это единственное место, где его страну могут любить и поддерживать. У патриота есть универсальные ценности, стандарты, по которым он судит свою нацию, всегда желая ей добра – и желая, чтобы она стала лучше.

Демократия потерпела поражение в Европе в 1920-х, 1930-х и 1940-х годах, а сегодня она сдает свои позиции не только в Европе, но и во многих других частях мира. Эта история и этот опыт показывают, сколь мрачным может оказаться наше будущее. Националист скажет, что “здесь такое невозможно”, – и это будет первым шагом на пути к катастрофе. А патриот скажет, что возможно – но мы это остановим.

20. Будьте отважны

ЕСЛИ НИКТО ИЗ НАС НЕ ГОТОВ УМЕРЕТЬ ЗА СВОБОДУ, МЫ ВСЕ УМРЕМ ПРИ ТИРАНИИ.

Эпилог

История и свобода

Герой шекспировского “Гамлета” – благородный человек, обоснованно потрясенный внезапным приходом к власти злонамеренного правителя. Преследуемый видениями, одолеваемый кошмарами, одинокий и чужой всем, он чувствует, что ему нужно восстановить свое чувство времени. “Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!” – говорит Гамлет. В наше время эта нить, безусловно, порвана.

Мы забыли историю по одним причинам, а теперь, если будем недостаточно внимательны, пренебрежем ею по другим. Нам придется наладить собственное чувство времени, если мы хотим вернуть свою приверженность свободе.

До недавних пор мы убеждали самих себя в том, что в будущем нас ждет все то же самое. Казавшиеся такими далекими травмы фашизма, нацизма и коммунизма как будто безвозвратно теряли актуальность. Мы позволили себе принять *политику неизбежности*, поддались ощущению, что история может двигаться только в одну сторону: к либеральной демократии. После падения коммунизма в Восточной Европе в 1989-1991 годах мы впитали миф о “конце истории”. Мы ослабили оборону, ограничили свое воображение и открыли путь как раз для таких режимов, в невозможности возвращения которых себя убедили.

Разумеется, парадигма неизбежности на первый взгляд тоже представляется своего рода историей. Политики, действующие в этой парадигме, не отрицают наличия прошлого, настоящего и будущего, они даже допускают пестрое разнообразие далекого прошлого. Но настоящее рисуется ими просто как шаг вперед в будущее, уже известное нам будущее расширения глобализации, углубления человеческих знаний и роста благосостояния. Это называется телеологией: трактовка времени, предполагающая движение к определенной и, как правило, желанной цели. Коммунизм также предлагал телеологию, обещая, что в конце неизбежно наступит социалистическая утопия. Но когда четверть века назад этот нарратив рассыпался вдребезги, мы сделали неверный вывод: вместо того чтобы отвергнуть телеологический подход как таковой, мы вообразили, что верен наш собственный нарратив.

Политика неизбежности – это добровольная интеллектуальная кома. До тех пор пока длилось противостояние между коммунистической и капиталистической системами, а память о фашизме и нацизме была жива, американцам приходилось учитывать историю и сохранять в обиходе те понятия, которые позволяли рисовать альтернативное будущее. Но однажды приняв парадигму неизбежности, мы согласились с тем, что история перестала быть релевантной. Если все в прошлом подчинено заданному курсу, нет нужды вникать в детали.

Принятие этой неизбежности исказило сам способ говорения о политике в двадцать первом веке. Оно пригасило политические дебаты и способствовало созданию такой партийной системы, когда одна партия защищает статус-кво, а другие предлагают его полную отмену. Мы затвердили, что сложившемуся порядку вещей “не было альтернативы”, – представление, которое литовский интеллектуал Леонидас Донскис назвал “текучим злом”. Как только мы стали воспринимать неизбежность как нечто само собой разумеющееся, критика и в самом деле утратила под собой почву. Даже те, кто анализировал ситуацию с критических позиций, зачастую исходили из того, что статус-кво не может измениться, и тем самым косвенно укрепляли его.

Некоторые критиковали *неолиберализм* с тех позиций, что идея свободного рынка вытеснила все прочие. Это было в определенной степени справедливо, но само использование слова обычно демонстрировало низкопоклонство перед непреходящей гегемонией. Другие критики высказывались о необходимости *прорыва*, заимствуя терминологию из анализа технологических инноваций. В применении к политике здесь снова подразумевается, что по большому счету ничего не изменится, а завораживающий нас хаос в конечном итоге будет поглощен саморегулирующейся системой. Голый человек, бегущий через футбольное поле, несомненно, совершает прорыв, но он не меняет правил игры. Сама идея прорыва инфантильна: она исходит из того, что после того, как подростки устроят безобразие, придут взрослые и все уберут.

Но взрослых нет. Мы сами хозяева этого безобразия.

Еще один антиисторичный подход к восприятию прошлого – это *политика вечности*. Подобно политике неизбежности, она тоже производит историческую подмену, хотя и другого рода. Эта подмена подразумевает обращение к прошлому, но это замкнутое в себе явление, никак не соотносящееся с реальными фактами. Политике вечности присуща тоска по моментам прошлого, которых в действительности никогда не было в те чудовищные по сути времена. Политики этой парадигмы преподносят нам прошлое как огромный, затянутый туманом двор, где высятся неясные памятники национальной жертвенности, одинаково далекие от настоящего, одинаково подверженные манипуляциям. Каждое обращение к прошлому как будто подразумевает посягательство какого-то внешнего врага на чистоту нации.

Национальные популисты – политики “вечной” парадигмы. Их излюбленным ориентиром является эпоха, когда демократии выглядели поверженными, а их противники – нацисты и Советы, казалось, праздновали триумф: 1930-е годы. Те, кто поддерживал “Брексит” (*Brexit*) – выход Соединенного Королевства из Европейского союза, – воображали себе британское национальное государство, которого никогда не существовало. Сначала была Британская империя, а затем Британия – член Европейского союза. Отделение от ЕС – это не шаг назад, на твердую почву, а прыжок в неизвестность. Когда судьи заявили о том, что для “Брексита” требуется голосование парламента, один британский таблоид пугающе окрестил их “врагами народа” – сталинистский термин времен показательных процессов 1930-х годов. “Национальный фронт” во Франции призывает избирателей отвергнуть Европу во имя мифического довоенного французского национального государства. Но Франция, как и Британия, никогда не существовала вне империи или европейского проекта. Лидеры России, Польши и Венгрии делали сходные жесты, обращаясь к немеркнущему образу 1930-х.

В своей избирательной кампании 2016 года американский президент использовал слоган “Америка превыше всего” – так назывался комитет, который стремился предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну с нацистской Германией. Старший советник президента, ответственный за стратегический анализ, обещает действия столь же “впечатляющие, что и в 1930-х годах”. К какому же прошлому апеллирует лозунг президентской кампании “Вернем Америке былое величие”? Подсказка: очевидно, к тому же, что и лозунг “Никогда больше”. Сам президент описывает смену режима в стиле 1930-х как ключ к решению текущих проблем: “Знаете, что поможет? Когда экономика рухнет, когда страна катится ко всем чертям, а вокруг полная катастрофа”. То, что нам нужно, считает он, это “беспорядки, которые вернут нас во времена нашего былого величия”.

В политике вечности соблазны мифологизированного прошлого препятствуют размышлениям о том, каким окажется будущее. Привычная зацикленность на жертвенности притупляет желание исправляться, улучшать что-то в себе самих. Если нация определяется своими врожденными добродетелями, а не будущим потенциалом, политика из обсуждения реальных проблем и путей их решения превращается в дискуссию о добре и зле. Поскольку кризис постоянен, мы живем с ощущением чрезвычайной ситуации и планирование будущего кажется невозможным, а то и предательским делом. Позвоительно ли задумываться о реформах, когда враг всегда у ворот?

Если политика неизбежности подобна коме, то политика вечности напоминает гипноз: мы всматриваемся в закручивающуюся воронку циклического мифа, пока не впадаем в транс, – а затем по чьему-то указанию совершаем нечто чудовищное.

Сейчас мы сталкиваемся с опасностью перехода от политики неизбежности к политике вечности, от демократической республики, наивной и небезупречной, к фашистской олигархии путаного и циничного свойства. Политика неизбежности страшно уязвима перед ударами, подобными нынешнему. Когда миф рассыпается вдребезги, когда рвется “дней связующая нить”, мы изо всех сил пытаемся найти еще какой-то способ систематизировать свой опыт. И путь наименьшего сопротивления ведет прямоком от неизбежности к вечности. Если вы единожды поверили в то, что все в конечном итоге всегда складывается к лучшему, вас можно переубедить, что ничего не складывается к лучшему. Если вы ничего не делали, потому что верили в неизбежность прогресса, можно продолжать ничего не делать, поверив в цикличность времени.

Обе эти парадигмы, неизбежность и вечность, являются антиисторическими. Единственное, что их разделяет, – это сама история. История позволяет нам видеть закономерности и выносить суждения. Она набрасывает для нас контуры тех структур, внутри которых мы можем стремиться к свободе. Она обнаруживает моменты, каждый из которых отличается от других, но не является до конца уникальным. Поняв суть одного момента, вы увидите, как можно участвовать в создании другого. История позволяет нам быть ответственными: не за все, но хотя бы за что-то. Польский поэт Чеслав Милош считал, что такое понятие ответственности помогает справиться с одиночеством и безразличием. История объединяет нас с теми, кто сделал больше нашего и страдал больше нас.

Приняв политику неизбежности, мы вырастили поколение без истории. Как отреагируют эти молодые американцы теперь, когда обещание неизбежности столь явно нарушено? Возможно, они скатятся от неизбежности к вечности. Но мы должны надеяться, что они, напротив, станут

историческим поколением, которое избежит ловушек неизбежности и вечности, расставленных для них старшими поколениями. Ясно одно: если молодые не начнут творить историю, политики вечности и неизбежности ее уничтожат. А чтобы творить историю, молодым американцам придется хотя бы немного ее знать. Это не конец – все только начинается.

“Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить! – говорит Гамлет. И добавляет: – Пойдемте вместе”.

Сноски

1

В США паспорт выполняет функции загранпаспорта – он применяется только для выезда. – *Прим. перев.*

2

Национал-социалисты получили 288 мест из 647 и смогли получить нужное большинство в рейхстаге только путем аннуляции 81 мандата коммунистов и создания блока с Католической партией Центра и другими буржуазными партиями. – *Прим. перев.*